

ЭДУАРД МАРКАРОВ

*Футбол
с улыбкой*

**В литературной записи
Игоря Рабинера**

Эдуард Маркаров
Футбол с улыбкой

«ЭКСМО»

2024

УДК 796.332:929

ББК 75.578

Маркаров Э.

Футбол с улыбкой / Э. Маркаров — «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-197802-0

В сегодняшнем жестоком мире, где, в частности, враждуют Армения и Азербайджан, эта книга должна стать островком добра и тепла. Ее автор, Эдуард Маркаров, шестой бомбардир за всю историю советского футбола, — кумир обеих этих стран. Рожденный в Баку, он сначала в составе местного «Нефтяника» стал лучшим бомбардиром чемпионата СССР, лидером команды, единственный раз взявшей бронзу всесоюзного первенства. В том же 1966 году он поучаствовал в самом успешном выступлении сборной СССР на чемпионатах мира, заняв с ней 4-е место. На стыке 60-х и 70-х Маркаров при драматических обстоятельствах переехал на родину предков, в Армению, и повел за собой ереванский «Арарат». Тот никогда прежде не выигрывал чемпионат и Кубок СССР, а в 1973 году с Маркаровым добился и того, и другого! Невысокий, 164-сантиметровый форвард 15 лет ускользал от огромных защитников и даже перепрыгивал их, а в ответ на удары по ногам вставал и... улыбался. Отсюда и название этой книги его воспоминаний. Маркаров — добрая душа, для него не бывает плохих людей. Дай Бог, чтобы его аура сделала окружающий мир хоть чуточку добрее. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 796.332:929

ББК 75.578

ISBN 978-5-04-197802-0

© Маркаров Э., 2024

© Эксмо, 2024

Содержание

Для него нет плохих людей	7
Глава I. Ночная машина из Баку в Ереван	9
Глава II. Отец-футболист и уроки улицы	18
Глава III. «Бакинский Пеле»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эдуард Маркаров

Футбол с улыбкой

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Для него нет плохих людей

Когда я помогал чудесному человеку Эдуарду Маркарову писать эту книгу, не раз думал: как жаль, что я своими глазами не видел его игру, не переживал сам все описываемое им и другими людьми. Уверен, это было увлекательное и вдохновляющее зрелище. Недаром его так любили журналисты, причем ведущих спортивных изданий СССР. Именно благодаря им, по мнению скромного Эдуарда Артемовича, он попал в сборную на чемпионат мира 1966 года к сдержанно относившемуся к нему тренеру Николаю Морозову.

Мой отец, дедушки, их сверстники, футбольные репортеры старших поколений рассказывали мне о маркаровской технике, о его умных и тонких пасах, о том, как этот малыш ускользал от громил-защитников соперника и забивал всеми возможными способами – и я с детства воображал, как живо и ярко это было. Для меня он всегда оставался одним из символов демократизма футбольной игры, в которой для успеха совершенно необязательно иметь косую сажень в плечах: Давид вполне может победить Голиафа.

Я родился в том самом 1973-м, когда 31-летний Маркаров единственный раз в своей карьере стал чемпионом СССР. Это случилось и единственный раз в истории ереванского «Арарата». Такое совпадение всегда заставляло меня по-особому относиться к золоту «Арарата» – а точнее, даже к золотому дублю, ведь в том же сезоне команда Никиты Симоняна драматичнейшим образом взяла еще и Кубок СССР. Маркаров был душой этой команды, и Никита Павлович в нашем разговоре, который вы прочитаете дальше, подтверждает это.

И человеком Эдуард Артемович оказался душевным. За две недели знакомства они с женой, Стеллой Викторовной, стали для меня как родные.

До 2023 года мы не были знакомы, и я не мог представить, что однажды мне предложат помочь ему сделать литературную запись воспоминаний. Это – очередное мое профессиональное счастье. На две недели я приехал в Ереван, каждый день приходил к нему и его эмоциональной жене на проспект Саят-Новы, в «дом с пупырышками», где также располагается Ереванский кукольный театр, кайфовал от их как раз-таки почти театральных диалогов, где на одну спокойную, порой ироничную фразу мужа приходилось десять энергичных реплик жены, включал диктофон – и спрашивал, спрашивал, спрашивал. Погружаясь сначала в бакинский мир пятидесятих-шестидесятых годов XX века, затем в ереванский – семидесятых и более поздних, узнавая массу новых для себя фактов и историй, которые благодаря его воспоминаниям станут частью истории футбола. И его прекрасной семьи.

В футбольной карьере Маркарова поражает многое. То, например, что он стал героем и кумиром двух республик. И остался им, поскольку уже в начале 2000-х его приглашал в Баку президент Азербайджана Ильхам Алиев. Между двумя враждующими странами осталось, наверное, только одно общее – Эдуард Маркаров, «бакинский Пеле», ставший потом Пеле ереванским.

С его крохотным ростом он забил очень много мячей головой. Но на прижизненном памятнике – он установлен на стадионе клуба «Мика», и Маркаров этим изваянием очень доволен (да он, по-моему, вообще всем доволен!) – Эдуард бьет в падении через себя, что тоже было его фишкой. Много вы видели подобных изваяний? Я до сих пор – ни одного.

А еще меня поражает, что, отыграв пятнадцать лет в высшей лиге чемпионата СССР и став его шестым бомбардиром за всю историю, Маркаров не получил ни одной желтой карточки. Не говоря уже об удалениях с поля. Да, предупреждения как форму наказаний за грубые нарушения в футболе ввели далеко не сразу после начала его карьеры, но ноль карточек даже за пять-шесть лет – это какая-то невообразимая степень футбольного джентльменства. Та, что заслуживает звания даже не «Джентльмена года» (такой приз вручается ежегодно газетой «Комсомольская правда»), а джентльмена века!

Вначале, каюсь, я не поверил. Даже когда мне эту вычитанную где-то информацию подтвердил сам Эдуард Артемович. Потому что человеческая память несовершенна, и на девятом десятке лет можно не помнить факт какой-нибудь проходной желтой карточки. Но знающий и фиксирующий в футболе все Аксель Вартамян, культовый историк и статистик игры, поднял свои гроссбухи, перепроверил – да, не было карточек у Маркарова!

И это не менее важно, чем все его титульные достижения. Не скажу, что более – но не менее. Потому что это тоже составляющая его феноменальности.

Важнейшие слова об Эдуарде Артемовиче сказала в нашем разговоре его сестра Ирина: «Для него нет плохих людей!» Так и есть, это чувствуешь каждую минуту общения с ним.

Вот поэтому Маркаров, когда на него ни посмотришь, всегда улыбается. Его нельзя назвать многословным, во внутрисемейных разговорах он всегда охотно отдает инициативу Стелле Викторовне, но из каждого его взгляда и от каждого его жеста исходит невероятный позитив. И в восемьдесят один год он не то что не ворчит, не жалуется на жизнь, а радуется каждому прожитому дню.

Благодаря этому в таком почтенном возрасте и продолжает работать. Еще недавно он трудился в клубе «Ноа», и не номинально, а бывал почти на каждой тренировке, ездил на самые дальние автобусные выезды, постоянно общался с главным тренером. Сегодня Эдуард Артемович – заместитель генерального директора «Урарту». Он по-прежнему весь в футболе.

А футбол – в нем. Поэтому, когда я спрашиваю его сына, кого в отце больше – армянина (по папиной линии) или еврея (по маминой), тот отвечает: «Футболиста!» И каждый из огромного количества голов, забивать которые в очень сильном чемпионате СССР было крайне непросто, – как его ребенок. Вот и отказывается он выделять лучший из них. Раз мяч пересек линию ворот – значит, это что-то родное, одинаково дорогое, которое никто у него уже не отнимет!

Как никто не отнимет и у вас эту книгу, за инициативу и поддержку в выпуске которой спасибо владельцу клуба – чемпиону Армении «Урарту» Джевану Челоянцу. Без него, фаната «Арарата»-73 и лично Маркарова, ничего бы не состоялось.

Я счастлив, что благодаря этому познакомился с чудесной семьей и провел бесценные часы в ее доме. Дай бог Маркаровым еще долгих лет жизни и здоровья – как и тем, кто видел его футбол, кто никогда его не забудет и передаст память о нем новым поколениям.

Приятного чтения!
Игорь РАБИНЕР

Глава I. Ночная машина из Баку в Ереван

Мама все чаще стала кашлять. Бронхиальная астма – болезнь серьезная, мы в семье понимали, что опасность всегда рядом. Но никто не мог представить, что конец наступит так скоро. Ей же было всего пятьдесят пять...

Был самый конец футбольного сезона 1970 года. 9 ноября мы в Москве встречались в матче последнего тура с ЦСКА. Для моего бакинского «Нефтчи» ничего не решалось – мы застряли в середине таблицы. Армейцы же были мотивированы до предела – победа гарантировала им участие в золотом матче против земляков из «Динамо». Меньше чем через месяц они в знаменитой переигровке в Ташкенте станут чемпионами СССР. А нас тогда ЦСКА легко обыграл – 2:0.

Я был в Москве, когда маму забрали в больницу. Мне до возвращения ничего говорить не стали, тем более что ее состояние никто не считал критическим. Когда вернулся в Баку и узнал, что случилось, тут же поехал в госпиталь ее проведать. Да, чувствовала она себя неважно, но не было никаких предпосылок к тому, что это наша последняя встреча. Видно, она ждала меня, чтобы попрощаться, хоть слов таких и не произносила.

А наутро позвонили и сказали, что – все.

У сестры Иры, волейболистки, призера чемпионата СССР, через два дня должна была быть свадьба. Огромная, с сотнями гостей. Все купили, подготовили, ресторан заказали, задаток внесли. Конечно, пришлось все отменять. Потом, спустя время, отметили в узком кругу. Но к переживаниям из-за ее свадьбы уход мамы отношения не имел. Она поддерживала их отношения и была бы счастлива прийти на праздник.

Так я в двадцать восемь лет остался круглым сиротой. Отца, популярного армянского футболиста Артема Агаларовича, не стало в 1964-м, семью годами ранее, тоже в пятьдесят пять лет. Вот там был полный шок, потому что вообще ничто не предвещало его ухода – он и карьеру-то закончил только в пятьдесят, и за ветеранов продолжал играть. Все случилось в одну секунду. А мама все-таки серьезно и много лет болела.

Мама – еврейка, звали ее Берта Григорьевна, но похоронили ее на армянском кладбище в Баку. Мне тогда еще в голову не могло прийти, что от этого кладбища скоро не останется и следа.

Семья у нас жила все-таки больше по армянским традициям, а у армян после смерти отмечают семь и сорок дней. На семь дней посидели, вспомнили. И тут друзья из Еревана во главе с защитником Шуриком Коваленко звонят, выражают соболезнования и в очередной раз зовут к себе:

– Ну что ты там остаешься? Устали тебя просить. У тебя же больше нет ничего, что держало бы тебя в Баку...

И ведь действительно – родителей, которые не хотели ехать, больше нет. Правда, жена Стелла училась в Баку, ей еще полтора года оставалось, госэкзамены, диплом, сыну Эрику два года... Но с этим можно было справиться, они ко мне не сегодня, так завтра переехали бы. Я чувствовал – мои отношения с родным городом заканчиваются. Не тот он уже, что-то в нем изменилось, причем безвозвратно. И команда не та, и отношение ко мне...

Веские футбольные причины для перехода тоже были. Меня стали преследовать травмы, из-за которых я в двух последних сезонах за «Нефтяник» (точнее, уже переименованный на азербайджанский манер в «Нефтчи») провел мало матчей. К тому же в то время после двадцати семи на тебя уже начинали смотреть как на ветерана, игроки считались не до конца боеспособными – меня, например, в команде уже называли Артемычем. Я чувствовал, что отношение ко мне в клубе уже не то, но при этом понимал, что еще способен на многое.

Во время чемпионата мира 1970 года я был травмирован, но еще совсем не помышлял о переходе в «Арарат». А руководители уже стали думать, как от меня избавиться. Доктором в «Нефтчи» работал армянин, и он мне как-то сказал:

– Смотри, Артемыч, на тебя идет атака...

Главный тренер, Ахмед Алескеров, был ни при чем, «атака» велась на уровне республиканской федерации. Идея была такая: «Не тянет, тем более – армянин».

Тут и возникли мысли о переходе. А «Арарат» как раз остался без нападающего, и мне начали друзья и родственники названивать – приезжай, приезжай! И после смерти мамы я решил. Те, кто хотел меня убрать, добились своего. Но промахнулись. А я – доказал им, что они были не правы.

Все мои друзья давно были в Ереване. И в первую очередь – Шурик Коваленко, защитник «Арарата», с которым мы играли в юношеской сборной СССР. Он давно меня в столицу Армении зазывал, чуть ли не с самого начала карьеры.

Вот только при отце переехать в Ереван было невозможно. Он сам прошел в первые послевоенные годы через такой опыт, вышло неудачно, и мы вернулись в Баку. Папа пережил случившееся болезненно. Поэтому, как только я заговорил о том, не перейти ли в «Арарат», он отрезал:

– Пока я жив – ты в Ереван не поедешь.

Когда случились те отъезд и возвращение, я еще был слишком маленьким, чтобы их подробно помнить. Но история известная. Папу в 1946 году позвали играть в ереванский «Спартак», и мы всей семьей туда переехали. За Республиканским стадионом был бассейн и что-то вроде общежития. Там нас и поселили. Ему сказали: «Год поиграешь – дадим квартиру».

Прошел год, ничего не дают. Папа говорит:

– Неправильно как-то. Обещали же!

– Дадим, дадим! Надо еще немножко подождать.

Он остался еще на год. Его все так же продолжали «кормить завтраками». Но однажды, видимо, что-то произошло, терпение лопнуло. Папа пришел домой и сказал:

– Собирайте вещи, поехали обратно!

И его тон исключал любые споры.

Тогда в Баку жили люди, которые могли кумиру такое простить. И врагом народа (в фигуральном, разумеется, а, не дай бог, не в юридическом смысле) отец не стал. После чего и думать забыл об отъезде в Армению – не только своим, но и моем.

Его внезапно не стало в 1964-м, а мама много лет болела астмой. В 1968 году в межсезонье меня пригласили в Ереван, предложили осмотреться. Мы два дня с мамой побыли в гостинице, и она стала задыхаться. Мы сразу собрали вещи и уехали. Выяснилось, что с этим заболеванием в горах, где кислорода меньше, жить нельзя, а Ереван расположен намного выше Баку. Быстро это поняли и вернулись. Может, если бы такой реакции на смену климата не было, мы бы уже тогда остались.

Когда оттуда я ездил играть в Ереван, меня там как армянина по-особому приветствовали. К тому же у меня трое двоюродных братьев по папиной, армянской линии там были цеховиками, производили очки, джезвы, серебряные изделия. Продавали все это не только в Ереване, но и в Сочи. Человек сто на них работало, жили богато. Процентом по тридцать «на лапу» раздавали – хочешь не хочешь, а крутиться как-то надо было. Еще тридцать – работникам, остальное – себе. Им более чем хватало.

Все они, к сожалению, умерли молодыми: кто в сорок, кто в пятьдесят. Но это произошло уже позже, а в начале семидесятых в Ереване из родственников было кому меня ждать. И когда я приезжал с «Нефтяником», они, влиятельные в городе люди, контролировали, чтобы народ перед нашей гостиницей не шумел. Тогда это дело любили, чтобы приезжей команде не дать нормально подготовиться к игре.

Важно и то, что в Баку (прежде – совершенно интернациональном, где никто не спрашивал, какой ты нации, и бытовала такая фраза: «национальность – бакинец») с конца шестидесятых пошел крен в сторону национализма. Армян уже не любили и давали им это понять.

Уже после отъезда в Армению я, никому ни о чем не рассказывая, приехал из Еревана на сорок дней со дня смерти мамы, сходил к ней на кладбище и спокойно уехал. Никто меня задерживать не пытался. А через две-три недели армянское кладбище сровняли с землей...

Узнал об этом случайно через какое-то время, когда задумал снова съездить на могилу мамы. Позвонил другу, рассказал о намерении, а он меня и огорошил. Я ужаснулся – и лишний раз подумал о том, что все сделал правильно.

Стелла:

Ой, сколько слез было, когда он уезжал! А как Ира, сестра Эдика, просила его остаться! Она понимала, что не сможет переехать в Ереван со своим парнем, будущим мужем, азербайджанцем. Мне тоже в Баку было хорошо.

Только потом я узнала, почему он так твердо решил уезжать. Мне рассказали. Оказывается, он поклялся нашим сыном Эриком, что перейдет в «Арарат»! Был на игре в Армении, потом оказался за столом. Там его опять накручивали: зачем, мол, ты для этих турок играешь? Ты должен приехать туда, где твои корни! Он и говорит: «Хорошо, приеду». А ему: «Поклянись ребенком!» Сыну два года было. И Эдик под градусом поклялся. А он человек слова, и клятва для него – святое. Потому мы и по сей день здесь!»¹

Собрал я вещи – и в четыре утра сел в свою «Волгу» на пассажирское сиденье с товарищем, Юрой. Он вызвался быть за рулем – волнительный все-таки переезд.

Почему так рано? Были опасения, что перекроют дорогу и не выпустят из Баку. Как незадолго до того не позволили, например, нападающему Виталию Шевченко улететь в Киев. У меня в Баку был добрый знакомый и сосед по дому, прокурор Центрального района, так я даже его об отъезде не предупредил. Настолько подружились, что он ждал меня с тренировки, мы шли на бульвар, брали там рыбку или шашлычок, сидели, общались. А иногда ездили в его загородный дом – у него там был сад огромный, бассейн, а в нем осетр плавает. Но он бы первым дороги и перекрыл...

Стелла:

Этот сосед-прокурор жил на шестом этаже, а мы на пятом. Он увидел в окно, что Эдик вышел и куда-то уезжает – в четыре утра! А мы дружили семьями, много праздников вместе отмечали.

Звонит мне:

– Стелла, что случилось?

– Камиль, он уезжает.

– Остановить его?

– Нет, не надо. Если он что-то задумал, то все равно сделает...

И друзья в Ереване ждали – Шурик Коваленко, еще один футболист Эдуард Арутюнов – жена у него заведующей поликлиникой работала... У нас было три пары, мы дружили. Две уехали в Армению. Мы были третьими.

Юра не гнал, поскольку мою машину все по номеру знали. Если прикажут остановить и вернуть – никакая скорость не поможет. Так-то в Баку меня все уважали. Если и останавливали,

¹ Сам Маркаров ни подтверждать, ни опровергать эту теорию не стал, оставив за женой право думать так, как она считает нужным. (Здесь и далее – прим. И.Р.)

то здоровались, честь отдавали и отпускали. Я, собственно, и повода за что-то наказывать не давал – не лихачил, нетрезвым не ездил. И аварий серьезных в жизни не было. До сих пор за рулем, в восемьдесят один год. Не представляю себя без машины.

Не любил гонять еще и потому, что видел, сколько футболистов в авариях разбиваются. В одной только соседней Грузии столько ребят погибло – целую команду можно собрать. Или вот в «Арарате» был такой защитник – Фурман Абрамян, родной брат основного вратаря Алеши Абрамяна. Прямолинейный – на пути не стой! Я играл против него еще за «Нефтяник». Получаю мяч, вижу, он несется. Пока до меня добежал, я мяч пробросил – а он в подкате летит. Я подпрыгиваю, и он еще несколько метров летит. Встает и говорит:

– Эдик, больше такого не делай!

Как будто это я, а не он в подкат такой пошел! Потом мы и вместе успели поиграть...

Разбился. На центральной улице города под восемьдесят летел – и в столб.

Город, а потом и границу республики мы с Юрой проехали спокойно. Утром я уже был в Ереване. Начинался новый день. И новая жизнь. Я и представить себе не мог, что в этой новой жизни завоюю золотые медали чемпионата СССР. Даже серебра, которое мы взяли в первом же сезоне, не мог вообразить, когда приехал и все увидел. А в итоге и серебро взяли, и золото, и Кубок два раза.

Ко всему прочему, перед моим уходом из «Нефтчи» ушел оттуда и главный тренер Ахмед Алескеров, с которым мы взяли бронзу в 1966-м. Вернулся Алекпер Мамедов, который уже тренировал команду до того. Разговора с ним не было. Я чувствовал, что Алик – это не Ахмед.

Хорошая получилась карьера – и в «Нефтянике», и в «Арарате». Пожаловаться не на что. Все я тогда правильно сделал.

* * *

Стелла:

«Где вы, Эдуард Маркаров?» Так называлась статья в маленькой бакинской спортивной газетке. Журналисты на второй день после его отъезда пришли и ко мне, дала им интервью. Не стала скрывать, что мы были категорически против. Этот красавец в четыре утра все свои вещи положил в «Волгу» и укатил – как будто заколдовали его! Ни сестру не слышит, которая в истерике – только что мать похоронили! – ни жену.

– Вы соберетесь, приедете, – говорил он. – Потом вы меня поймете.

Мы были против не потому, что это Армения, где я, кстати, к тому времени ни разу не была. Но ведь и мама его не хотела, и отец. Злая я была. Думала: «Как ты мог оставить маленького двухлетнего пацана и меня?!»

В статье написали, что жена готова подать на развод. Это меня убило. Под всеми словами готова была подписаться, но под этими – нет! Хотя мысли в тот момент всякие возникали, могла сгоряча и ляпнуть что-то такое. Но точно не для того, чтобы они это напечатали.

Тот момент вообще был сложный. В почтовый ящик мне подкинули фотографии Эдика с выколотыми на них глазами. Представляете, какие были ощущения, когда их увидела? Камни в стекла не бросали – пятый этаж, не добросишь. А вот в старом доме все окна перебили – не знали, что Маркаровы там больше не живут. Берта за несколько лет до того отдала ту квартиру государству, потому что Ира уже играла в волейбол на хорошем уровне и захотела жить в районе получшие, в центре. Они туда и переехали. А ту квартиру, где жили мы с Эдиком и Эриком, и куда мне подбрасывали фото с выколотыми глазами, я вернула перед отъездом в Ереван. И справки о том, что освободила жилплощадь, отдала Никите Симоняну и начальнику «Арарата» Роберту Цагикяну – тогда это требовали.

Потом вроде уgomонились, я уже ничего не читала, понимала, что он остается в Армении. И вот как-то я была дома одна, Эрик у бабули гостил. Вдруг стук в дверь. Мужской голос:

– Откройте, пожалуйста!

– Кто там? – спрашиваю.

– Милиция. Мы должны вас привезти в отделение.

– А что я сделала?

– Там все узнаете...

И зачем-то поехала, причем никого не предупредив. Никто не знал, где я. Привезли в районное отделение милиции.

Там полковник:

– Стелла-ханум, присядьте.

Я села, полностью представилась.

– Ваш муж где сейчас находится?

– В Ереване.

– Давно он уехал?

Я рассказала как есть. И услышала:

– Эдуард Маркаров – это наш любимец, за него весь азербайджанский народ болел. Вы не объясните причину его отъезда?

– Сама не могу понять, – призналась я.

Помолчали. Затем полковник вновь заговорил:

– Мы не поэтому вас вызвали, не думайте. У нас абсолютно нет ненависти к этому мальчику. Мы его очень любили.

– Тогда зачем вы меня сюда привезли?

– Мы хотим спросить, знаете ли вы этого человека.

И называет какую-то азербайджанскую фамилию.

– В первый раз слышу, – говорю.

– Тогда мы сейчас вас с ним познакомим.

Приводят. Вишневский, худенький, чуть ли не кости торчат. Сначала даже внимания на меня не обратил. А потом вдруг поднимает глаза и говорит:

– Да-а, Стелла...

– Кто вы такой? – удивлялась я.

– Ну что ты, дорогая! Ты что, разве не помнишь?!

– Что помню?

– Как ты мне сигналы давала, и я поднимался к тебе.

И рассказывает все про нашу квартиру, где он никогда не был, до мельчайших подробностей.

– И у нас с тобой был договор. Если нельзя – ты дверь закрываешь, если можно – открываешь. А потом мы с тобой поехали в Сочи...

Тут я уже не выдержала:

– Я вас очень прошу закончить лгать. Я в жизни в Сочи не была!

Вмешался полковник:

– Знаете что? Я сейчас выйду на несколько минут. А вы поговорите.

Выходит, я сажусь. И говорю этому проходимцу:

– Слушай! Я не буду говорить с тобой на «вы». Ты кого хочешь уничтожить – меня или моего мужа?

У него глаза забежали:

– Да ты что – уничтожить! У нас с тобой такие дни были!

– Ты в зеркало себя вообще видел? Кто ты и кто Маркаров?

Он продолжает разыгрывать этот дурацкий спектакль. Мне надоедает, стучу в дверь:

– Все, я отказываюсь разговаривать с этим человеком. Позовите полковника, пожалуйста!

Тот возвращается, командует охране, чтобы этого человека увели. А тот ко мне рвется:

– Моя дорогая! Как я тебя любил, так же и сейчас люблю! Меня Маркаров не интересует!..

Его уводят. Вдруг полковник говорит мне:

– Стелла Викторовна, вы знаете, что это дело может дойти до суда?

– Ну и пусть, – говорю. – Только одно прошу: никакого адвоката от вас.

– По закону мы обязаны предоставить вам адвоката, или вы вызываете своего.

– Адвокатом буду я сама. И уверяю вас, что выиграю это дело.

Мне уже было совершенно ясно, что это подстава, чтобы сделать гадость Маркарову. Заставить понервничать, бросить тень на репутацию.

– Я все понял, идите. Вы свободны, – говорит полковник.

– А что, я была арестована? – спрашиваю я.

Тут вошла секретарша и говорит мне:

– Здесь большая группа, вас ждут...

Я вообще перестаю что-либо понимать. А оказывается, что мои друзья из института, евреи и азербайджанцы, уже всей группой стоят у входа в отделение. Я их увидела – оторопела. Откуда они узнали – я же никому не говорила!

Выяснилось, что это мама стала бить тревогу. Я же потеряла счет времени – в милиции меня держали семь часов!

– Идиотка ненормальная! – ругала она меня. – Ты что, не могла позвонить?

– Я ничего не понимала, куда меня привезли и зачем. Как я вам позвоню?

Один друг из тех, кто тогда пришел, сосед по дому, был сыном иранского генерала. Когда там началась исламская революция, он переехал в Баку. В общем, все близкие ребята. Они потом рядом со мной сидели, когда я редела. Утешали:

– А может быть, это и хорошо! Он поехал на родину, ну чего ты ревешь?

– Я не понимаю, как можно было нас оставить?! – повторяла я.

Да, в итоге этот переезд принес Эдику главные успехи в карьере. Только благодаря народу. Не верхушкам. Многие из тех его ненавидели. Даже годы спустя, когда в Москве была свадьба нашей дочки Эрики, пришел один из Верховного Совета Армянской ССР – сторона мужа Эрики хотела похвастаться своими знакомствами. И он стал рассказывать, как принимал Маркарова, когда тот приехал из Азербайджана. Хотелось встать и сказать: «Заткнись!», но это было невозможно. Не ты принимал, а народ принимал! Они его на руках носили – и до сих пор помнят. А половину из вас зависть ломала от его популярности! Взять хотя бы этого всемогущего начальника команды Цагкяна, который столько крови у Эдика выпил. Он спал всю жизнь по два часа в сутки. Я ему один раз сказала:

– Вот потому вы и злой такой!

Бакинская милиция больше меня не трогала. Видимо, там посчитали, что нервы мне уже потрепали достаточно. Я продолжала жить в Баку и периодически ездить в Ереван. Мама говорила, что надо уже определяться. А я заканчивала институт, где все начальство и преподаватели были болельщиками Маркарова – но когда он играл за «Нефтяник»! И тут они слышат: «Маркарова Стелла» – и понимают, кто я такая...

Я в жизни не пересдавала ни одного экзамена, и вдруг перед самым дипломом меня заваливают. Я, чтобы не потерять ничего, на вечерний перехожу. Потом уже наизусть все знала, не подкапаешься. Защитила диплом и переехала окончательно в Ереван.

Стелла ничего мне до окончательного приезда в Ереван не рассказывала – все эти перипетии узнал, уже когда они с Эриком окончательно поселились в Армении. Ужас! Тогда же была история, как председатель Совета министров Азербайджана Искендеров меня вызывал, убеждал никуда не переходить, когда слушок об этом пошел. Хотя тогда еще мама была жива, и у меня никакого окончательного решения не было.

Человек он, кстати, был нормальный, особенно когда мама ему звонила. В мое время в азербайджанском правительстве вообще все были порядочными людьми. Искендеров вызвал меня, сели, кофе попили. Чтобы его успокоить, я сказал, что никуда не еду. А что я мог еще сказать? Если бы начал говорить уклончиво, они точно бы позаботились, чтобы я никуда не уехал. Да и, повторяю, не знал еще ничего точно.

Когда вышла та «разоблачительная» статья, меня в Баку уже не было. Пишите что хотите! Хотя чего там только ни напридумывали. О двух квартирах, которые у меня якобы остались в Баку, о том, что в Ереване пообещали место в аспирантуре и в будущем – «маркаровскую» школу... Но я на авторов не злюсь – понимаю, что сверху поступило распоряжение. Понятно, что это не была инициатива журналистов. Да и не повлияла в итоге та публикация ни на что, хотя в те времена фельетоны о футболистах нередко били по их судьбам.

Другое дело, что после всего этого Стелла заявила, что Эрик никогда не будет футболистом. А ведь мальчишка хорошо играл! Я инстинктивно чувствовал, что он как игрок способен подняться наверх. Но она сказала, что достаточно уже в семье футболистов.

* * *

Раньше, когда ты переходил из одной команды в другую, нужно было отчитаться и получить разрешение в Управлении футбола Спорткомитета СССР – говоря по-нынешнему, Федерации футбола. В «Арарате» был второй тренер Арутюн Кегеян, мы поехали с ним в Москву. Там спрашивают:

– Почему вы переходите?

Отвечаю:

– У меня не осталось родственников в Азербайджане, все переехали в Армению. И травмы замучили. Хочется нового этапа в карьере.

– Выйдите, через пятнадцать минут зайдете.

Я, конечно, нервничал. Тем более что многим футболистам в переходах тогда отказывали. Да и после меня тоже: Александру Мирзояну год спустя не разрешили перейти из того же «Нефтчи» в тот же «Арарат», и ему пришлось ждать еще несколько лет.

Вызывают:

– Ввиду того, что этот переход первый в вашей карьере, мы вам разрешаем.

И все. Ну, слава богу.

Когда я перешел в «Арарат», то увидел, что хороших игроков там много, но все вместе они играют в, прошу прощения, деревенский футбол. Каждый за себя. Какой-то ужас! Каждый хотел забить сам, а то, что при этом проиграют, многим было безразлично. Я учился играть в коллективный футбол, и от того, что увидел, мне стало плохо.

– Ребята, вы что делаете?! – ужасался я. – Давайте играть нормально, друг за друга!

Для меня было аксиомой, что мы должны играть прежде всего за команду, а потом уже за себя. Речь не о том, что нельзя импровизировать, обводить. Футбол без импровизации – не футбол. Но дриблинг, эффектные действия надо ставить на пользу команде и результату, а не резвиться только себе на утеху. Если сам будешь в какой-то день не в порядке, но команда будет на ходу – она тебя поддержит, и твои недостатки окажутся не так видны.

В отличие от «Нефтяника», в «Арарате» меня никто не собирался сразу делать капитаном – им был Оганес Заназанян. Но я и без этого управлял командой на поле. Повязка мне не была нужна.

Это был принципиальный переход, и я ни о чем не жалею. В Ереване стал чемпионом СССР и дважды выиграл Кубок Советского Союза. Вошел в «Клуб Григория Федотова» и забил больше всех из армянских футболистов – 159 голов в официальных матчах. Получил звание заслуженного мастера спорта СССР – в истории армянского футбола их всего два! Стал единственным местным тренером, взявшим серебро с «Араратом» в союзном первенстве.

В том году, когда мы в Ереване сделали золотой дубль, «Нефтчи» уже год как играл в первой лиге, куда надолго вылетел в 1972 году. Никакой мстительности по этому поводу я не испытывал, мне было очень неприятно, а команду, где я играл десять лет, и ее болельщиков, меня очень любивших, – жалко. Они, кстати, пытались меня вернуть, но... Это было уже невозможно.

Стелла:

После всего случившегося я была категорически против того, чтобы сын становился футболистом. Да, это моя инициатива. Но очень жалею о другом. У него прекрасный слог, и он мог бы стать отличным спортивным журналистом или комментатором. Но тогда было по одному-два комментатора и спортивных обозревателя на каждую республику, и от этой идеи я отказалась. В итоге он стал успешным бизнесменом.

Когда Эдик приехал в Армению, здесь хватало недовольных, которых он со своих насиженных мест подвинул. Но народ его любил – так же, как и в Баку. В конечном счете, принимая во внимание все последующие политические события, уехать из Азербайджана пришлось бы все равно.

Никогда не слышала от Эдика жалоб на то, что он что-то в своей жизни и карьере сделал не так. Он был спокоен, понимая, что тыл у него за спиной надежный, что там все решат как надо. Сначала – мама, потом – жена. А то, что ему надо было решать самому на футбольном поле, он решал.

Очень мало кто знает, что в Баку я ездил еще много раз. Меньше чем на день – когда были выходные. Чтобы встретиться со своими друзьями по «Нефтянику», с которыми после перехода в «Арарат» я не разорвал связей.

Конечно, стал делать это не сразу – нужно было, чтобы поутихли страсти после моего перехода. Но потом втихаря начал – на следующий день после домашних туров, когда ни им, ни мне не надо было лететь с выезда. Толя Банишевский по прозвищу Молокан, Казбек Туаев, Толя Грязев, иногда – другие ребята. Лететь от Еревана до Баку – сорок пять минут, они меня в аэропорту встречали, и мы садились, общались. Вечерним рейсом улетал обратно, потому что наутро – уже тренировка.

Впервые я поехал с «Араратом» играть в Баку в золотом 1973-м. Но на Кубок, поскольку два клуба тогда играли в разных лигах. Чтобы меня взяли играть на родину, понадобился приход в «Арарат» Никиты Симоняна. Первые два года меня туда не пускали – то ли за безопасность боялись, то ли партийное руководство Азербайджана просило армянских коллег, чтобы на трибунах ничего не началось.

Но у Симоняна был большой авторитет. И перед тем кубковым матчем он меня спрашивает:

- Поедешь в Баку?
- Никита Палыч, два года никто меня туда не берет! – объясняю.
- Я тебя возьму! Решим вопрос!

Приезжаем, команду хорошо приняли. Азербайджанские болельщики сидели на центральных трибунах, армянские – за воротами.

Первый тайм я «прогулял». Симонян в перерыве был недоволен:

– Давай уже заканчивай!

А я был немного растерян:

– Никита Палыч, если я забью – тут война может начаться!

В итоге на поле меня оставили, и через несколько минут я забиваю. И не знаю, что делать. Тихонько к центру пошел, даже руки не подняв. Поскольку понимал, что начнется, если как-то отпраздную гол.

Драки на трибунах не случилось. А свистели мне в итоге армянские болельщики, увидев, что я не радуюсь.

Так и закончили, 1:0. В раздевалку уходили моментально после финального свистка, повода болельщикам хозяев бушевать не дали. А в ответном матче, в Ереване, выиграли 3:1, там я забил третий мяч.

* * *

Потом я в Баку очень долго не был. До июля 2009 года, когда в рамках «народной дипломатии» вместе с представителями интеллигенции Армении и Азербайджана побывал на приеме у азербайджанского президента Ильхама Алиева.

Помню, что в состав группы входил, например, замечательный певец, уже давно посол Азербайджана в России Полад Бюльбюль оглы, с которым у меня сложились прекрасные отношения еще в Баку, во времена, когда я играл. За один день мы побывали в Ереване, в Арцахе и в Баку. Задумка была такая, что культурные люди из двух стран встретятся и поговорят, но не о политике. Это было еще задолго до Второй Арцахской войны, более чем за десять лет.

Баку стал красивее. От аэропорта до центра города раньше одна узкая дорожка вела, а теперь – широкое шоссе, аэропорт современный. Приняли нас очень хорошо, по банке черной икры каждому участнику, помню, подарили.

Как меня, футболиста, туда включили – я узнал уже после. Оказалось, что Алиев, который в детстве увлекался футболом, – а я тогда как раз играл за «Нефтяник» – высказал пожелание организаторам встречи: «Когда будете ехать, не забудьте Маркарова». На самом приеме всех участников стали представлять, и только дело дошло до меня, президент Азербайджана сказал:

– Стоп. Этого парня мне представлять не надо. Я о нем знаю все.

Поговорили, пошли фотографироваться. Когда собрались для съемки, Алиев говорит:

– Эдик, иди сюда! Давай мы с тобой вдвоем сфотографируемся, а потом все вместе.

Тот день для меня был насыщенным и памятным – три перелета (ведь ночевал я уже дома), приемы у глав государств, много встреч. В Баку прилетели достаточно рано, а к Алиеву надо было идти во второй половине дня. До того, узнав о моем приезде, ко мне пришли Казбек Туаев и еще несколько партнеров по «Нефтянику». Посидели, поговорили, вспомнили – как в те выходные, когда я тайком на несколько часов прилетал к ним из Еревана в Баку. Только Толика Банишевского давно уже с нами нет – и не его одного...

Я много хорошего вспоминаю о Баку и «Нефтянике». Но никогда не жалел о том, что сделал в четыре часа утра тем поздним осенним днем 1970 года.

Глава II. Отец-футболист и уроки улицы

Я бы мог и не быть Маркаровым. У моего деда по отцовской линии Агалара была фамилия Тер-Маркарянц. Но когда он с семьей переехал из своего села Шервенанц (оно расположено в Арцахе и сейчас находится под контролем Азербайджана) в Баку, приставку «Тер-», свидетельствовавшую о родовитых армянских корнях, убрали. А потом и окончание поменяли с «-янц» на «-ов», как это было принято в Российской империи. Так и появилась фамилия, которую впоследствии узнали футбольные болельщики, – сначала поколения отца, а потом и моего.

В то время рожали много, и у бабушки с дедушкой детей было пять или шесть, а то и больше – просто некоторые из них умерли во младенчестве. Я, кроме папы, знал только его сестру. После того как родился очередной малыш, деду предложили хорошую работу в Баку – городе, который после открытия нефтяных месторождений начал бурно процветать.

Дом моих предков в Шервенанце, как это ни удивительно, сохранился. Я был там, когда ездил в те края. Когда-то поехали туда на товарищескую игру, и мне этот дом показали – приезжай, мол, живи! За этим домом следят, и мне сказали: «Напиши нам, что это твой дом, мы там что-то вроде музея сделаем, чтобы жители знали». Я дал добро. Что с ним произошло дальше – не в курсе. Но люди все делали от души, это точно.

Дед до революции был богатым человеком. Ему принадлежали все бани в Баку. В то время в баню простому человеку попасть было не так легко, а представьте, каким влиянием пользовался человек, который владел ими всеми в городе! А потом случилась социалистическая революция, у богатых все отобрали, в том числе и у деда. Но никаких репрессий по отношению к нему не применяли, поскольку он со случившимся смирился, коммунистов не обижал. Более того, ему даже выделили хорошую пенсию.

Я Агалара застал. Когда ему приносили пенсию, он по рублю давал нам с сестрой Ирой. Тогда это были хорошие деньги. Мы уже знали, что будет, когда дед получал пенсию, и, как только это происходило, – тут же садились рядом с ним. В этот день я уже в школу не ходил – находились дела поинтереснее, ха-ха!

Под конец жизни он почти ослеп, были и другие проблемы со здоровьем. Ходил он только по дому. Но бабуля твердо знала – перед обедом ему непременно нужно было выпить одну рюмочку. Не больше. Любого крепкого напитка. У нас были знакомые, которые приносили ему чистый, прекрасно изготовленный коньяк. Прожил он долго, как и бабушка.

Бакинские, тбилисские и ереванские армяне – все разные. Баку богаче, там нефть, а в Ереване что? Соответственно, бакинцы были более деловыми. Ереванцы в основном занимались мелким предпринимательством. А вот тбилисские армяне – это в большинстве своем интеллигенция. У них был, да и остается, свой район – Авлабари.

Дедушку по маминой, еврейской линии уже не застал. Григорий Фрадкин до революции тоже был богатым человеком, известным инженером-нефтяником, чьи таланты очень пригодились в бурно развивавшемся Баку. Мы часто встречались с еще одной дочерью Фрадкина, сестрой мамы тетей Фаней, и ее сыном. Они уже давно уехали в Германию.

От самой же мамы мне тоже спортивные гены передались. Она была и пловчихой, и гимнасткой. Не случайно моя сестра играла на высоком уровне в волейбол, стала призером чемпионата СССР и получила звание мастера спорта раньше меня. И я играл не только в футбол, а во все! Рост мне не мешал – ни на волейбольной, ни на баскетбольной площадке.

Как дедушки с бабушками восприняли то, что папа-армянин женился на маме-еврейке, – не знаю. Нас-то с Ирой тогда еще не было, ха-ха! Но уверен, что нормально. Потому что отношения в семье всегда были прекрасные, мама и папа – хорошие люди и нас такими же воспитали. Отец больше внимания уделял футболу, да и вообще из-за работы в командах дома

бывал мало. Нами с Ирой занималась мама. Они оба никогда на нас не кричали, все спокойно объясняли. И между собой не ругались.

Папа здорово играл, был одним из любимцев Баку, а по отношению ко мне был не строгим, а справедливым. Если сыграл или повел себя плохо – значит, плохо, и должен быть наказан. Главное – не помню, чтобы у меня было ощущение несправедливости, будто наказали не по делу.

Лично меня он в детстве тренировал мало, очень редко объяснял, что делать на поле. Папа меня как в реку бросил, чтобы плавать научился – как хочешь, так и выбирайся! И это пошло мне на пользу. Футболом я пропитался с самого-самого детства, но не ходил на привязи за отцом, не делал только то, что он скажет, был достаточно самостоятельным.

Я не пропускал ни одной игры главной команды города и республики – «Нефтяника». Через забор на стадион лазил. Смотрел на то, что делают футболисты, все время что-то новое для себя подмечал. Глядел и на отца, которого как игрока немного успел застать, хоть уже и на излете его карьеры. Играл он, как сейчас сказали бы, «под нападающими» и был лидером команды. Скорость, конечно, потерял, но техника осталась, голова работала. К тому же вообще не пил. Ребята из команды приходили в гости, им по рюмочке нальют – папа отказывается. Для меня это тоже стало уроком. В отличие от многих футболистов того времени, в том числе и моих партнеров, отношения с алкоголем никогда не были для меня проблемой. Закоренелым трезвенником я не был, но меру знал.

Большую часть времени отец уделял работе с бакинским «Локомотивом», игравшим на первенство города. Меня начал брать на тренировки, когда мне было лет пять, я сидел и смотрел. А смотреть было на что – детская, юношеская, молодежная, вторая и первая команда. Нет-нет да и выбегал на поле, сам что-то придумывал.

Но в целом всю технику, все умение мыслить на поле мне дала улица. Причем там, где мы играли в футбол, был даже не асфальт, а булыжники. Падать было больно. Я собирал несколько маленьких ребят и играл с ними – один против четырех. Мне лет восемь, они помладше.

Вот тут я многому научился. Они бегут, мне надо за ними отработать, чтобы в пустые ворота не забили. А рядом – стенка. Подхожу ближе к ней и бью мячом об нее с таким расчетом, чтобы пацанов этих отрезать. Стенка была вторым моим игроком. Так я учился комбинировать.

Мне все говорили, что по стилю игры я походил на отца. В те времена существовала сборная Закавказья, и папа в ней играл. За нее выступали представители и Армении, и Грузии, и Азербайджана, поскольку почти до Великой Отечественной войны они в СССР входили не порознь, а в составе единой Закавказской Федеративной Советской Республики. А эта сборная региона – представьте, в тридцатые годы прошлого века, в условиях совершенно закрытого Советского Союза и репрессий, которые в нем происходили, – ездила за границу, причем даже капиталистическую: было, например, турне по Скандинавии. Папа любил музыку и пластинки оттуда привез. Это разрешалось.

О Сталине мы дома разговаривали, и никто «отца народов» никогда не хвалил. У нас в семье были безвинно репрессированные, и в божество, как многие, мы его не возводили. Впрочем, когда Сталин умер, мне было всего десять лет, и при его жизни, то есть когда вести такие разговоры было опасно, я в них в силу малолетства не участвовал.

Папа не такой говорливый был, не любил особо рассказывать. Даже о том, как они в 1935 году со сборной Баку едва не стали чемпионами Союза – тогда был последний год, когда играли не клубы, а города, и бакинцам, как я читал, не хватило всего одной победы. Хвастовство – это точно было не про него. Обучить, направить в правильное русло – всегда пожалуйста. Но он любил повторять:

– Я хорошо прожил свою жизнь.

Стелла:

Если выходишь замуж за футболиста только из-за денег, ничего не получится. Мужчина – добытчик, а женщина держит семью, все строит. Надо глубоко знать его психологию, изучить все значимые для него моменты – если ты, конечно, его любишь. С годами начала глубже вникать в то, что он делал. Даже по отношению к своим родителям начинаю многое пересматривать и все вижу в другом свете! Я многому научилась у свекрови и счастлива, что видела, какое внимание она уделяла сыну. И после ее смерти я стала такой же, какой была она.

Берта Григорьевна говорила мне:

– Быть женой футболиста очень тяжело...

В шесть утра она шла на рынок, покупала продукты. Когда дети вставали, у нее уже все было готово. Она была в хорошем смысле наседка. Кто сделал Эдика таким, какой он есть? Папа? Ничего подобного. Тот даже и не старался особенно – если только по футбольной части. А мама понимала, что ее сын идет в этом направлении и не переходила ему дорогу, а шла вместе с ним. Он ее слушался и не был бесконтрольным.

Мама Эдика двадцать пять лет жила с армянской свекровью, которая так и не заговорила с ней, хотя понимала русский. И при этом за ту же четверть века ее муж, Артем Агаларович, ни разу не услышал от жены, что ей плохо живется со свекровью.

Как-то Эдик звонит:

– Ты приходи к такому-то времени, потому что я сразу после тренировки приду домой.

Прихожу, с Бертой разговариваем, она говорит:

– Стелла, я дышать не могу...

А у нее астма была, рак уже начинался. Это же свекровь ей здоровье подорвала, Фирюза! Сколько лет ее гнобила, босиком заставляла полы мыть!

У нас же с Берточкой никогда конфликтов не было. Ни-ког-да! Ей не нужно было быть властной. Она никогда не поднимала голос, но ее все слушали. А как она готовила гефилте фиш, еврейскую фаршированную рыбу!

Как-то, когда мы только начинали встречаться, прихожу впервые к ним в дом. Мой институт находился очень близко. А Эдик, как оказалось, в это время на тренировке был. Тихо стучусь. Его сестра спрашивает: «Кто там?» А Ира, в моем представлении, – змея. Она открыла, посмотрела на меня, повернулась, зашла в комнату и закрылась.

А у них гости, оказывается, сидят. Потом выскакивает Берта, которая видит меня в первый раз.

– Ой, Стеллочка, заходите, пожалуйста!

Захожу – там сидят их родственники, здороваются.

– Стеллочка, я хочу посмотреть, какая вы хозяйка.

Я решила, что надо пошутить:

– Нет, я вам свою сестру пришлю. Она знает как готовит!

Я же восьмилетку музыкальную закончила и готовилась в музыкальное училище поступать, но папа запретил. Мне не до готовки было!

– Возьмите нож и порежьте тортик, – просит Берта Григорьевна.

Какая-то родственница сжалась:

– Берточка, ну что ты мучаешь девочку? Возьми сама порежь!

– Нет, я хочу узнать, кто к нам в дом придет.

«Ничего себе, – думаю. – Они меня уже поженили». Взяла нож, руки трясутся... Но вскоре я уже за Берту горой стояла!

А Ира тогда так и не вышла. Только позже мы стали общаться.

Однажды – мы с Эдиком еще не были женаты – прихожу к ним домой. Футбол уже закончился. Смотрю – все с плохим настроением. Берта вообще «мертвая». Столько лет прошло, а я помню этот момент. Звонок в дверь. Эдик заходит, а мама ему:

– Ты почему фамилию отца позоришь?!

Никогда такого не видела – ни до, ни после. Вот это воспитание!

– Mam, ну я же забил! – говорит он.

– Это ты называешь – забил?!

Я, вернувшись домой, говорила своим:

– Mam! Бабуля! Это что такое? Это что за женщина? Он гол забил, а его ругают!

Эдик говорит, что уже не помнит, с кем тогда играли, но его маме показалось, что играл он плохо. Как было на самом деле – сказать сложно, но он просто не был приучен спорить с родителями.

У Григория Фрадкина и его жены было три дочери – Берточка, Фанечка и Надежда. Помимо свекрови, я застала еще последнюю, а вторая рано умерла от падучей болезни. Вся семья – интеллигентные, спокойные, хорошие люди.

Вот с золовкой не сразу все сложилось. Ира однажды сказала:

– Знаешь, когда я тебя полюбила? Когда увидела, что ты прекрасно смотришь за моим братом. Если бы я что-нибудь не то заметила, то в жизни с тобой не заговорила бы!

А я смеюсь:

– Ира, довольно уже! Ты мои самые хорошие годы съела!

Незадолго до того, как я познакомилась с Эдуардом, у меня умер папа, и я жила с армянской бабушкой в самом центре Баку. По-армянски при этом не говорила. Маркаров пришел к нам в школу, в которой сам когда-то учился, на последний звонок. В связи с этим там был день открытых дверей. Эдик сейчас смеется: «Плохо двери закрыли!» Я тогда в первый раз в жизни надела туфли с каблучками, прическу сделала. И никогда не могла подумать, что выйду замуж за футболиста, да вы что! У меня папа – полковник медицинской службы, мама два института окончила. Просто мы жили в районе, где был стадион и играл этот «Нефтяник». Когда забивали гол, все орало так, что чуть стекла не выпадали. Я ненавидела этот футбол!

А еще больше – потом, когда проигрывали: виноват был только Маркаров, потому что лидер. Правда, когда выигрывали, его весь Баку на руках носил. Люди любой национальности – хоть армяне, хоть азербайджанцы, хоть евреи, да кто угодно. И никогда он не мог пожаловаться на то, что те же азербайджанцы его недолюбливали. Они в этом смысле народ очень преданный!

Так вот, был последний звонок. А ребята из старшего класса, которые дружили с нашими девочками, все говорили: «Маркаров, Маркаров!», который в это время уже был лучшим бомбардиром чемпионата СССР и считался легендой нашей школы. Он только что из Италии вернулся. Я попросила:

– Покажите мне один раз этого Маркарова!

– Да ты все равно ничего не понимаешь в футболе! – отвечают мне.

– Я не хочу понимать, а просто хочу увидеть, кто это такой!

Обсуждаем все это, и вдруг кто-то вбегает:

– Стелла, тебя срочно директор школы вызывает!

Думаю – что случилось?! Захожу, директор говорит:

– Слушай, дорогая, где ты ходишь? Здесь сидит такая личность!

– Какая личность?

– Эдуард Маркаров, он только что приехал из Италии!

А потом оказалось – ему товарищ сказал: «Зайди в школу, обрати внимание на одну девочку, тебе понравится». Это про меня. Вот и зашел...

Смотрю – кресло высокое, а он со своим ростом 164 сантиметра в нем сидит, и я его не вижу! Продолжаю оглядываться, а директор мне:

– Что ты так невнимательно смотришь? Эдуард, встаньте, пожалуйста!

Звездной болезнью он не болел. Встает, скромно так:

– Здравствуйте, меня зовут Эдуард...

Потом ребята его окружили. Стоят все высокие, а он маленький среди них. Очень симпатичный, только надо было еще вверх его немного вытянуть – тогда бы вообще красавцем стал!

И все же я не сказала бы, что он произвел на меня какое-то ошеломляющее впечатление. Футболисты и по тем временам много денег зарабатывали, а мне это казалось... предосудительным, что ли. Раз много зарабатывают, значит, могут много тратить, а значит – испорченные.

Вот наша старшая пионервожатая по нему с ума сходила. Видит мой скептический взгляд, спрашивает:

– Что ты, не восхищаешься?

– Дай мне даже тысячу рублей, но все равно с ним встречаться не хочу!

А Эдик был на четыре года старше меня. Пообщаться нам тогда не удалось, но я и не стремилась. Его окружали друзья. Да из него слова не вытянешь! Вот одевался всегда со вкусом. Но мне было на это наплевать. Сначала – закончить школу, потом – институт, далее – аспирантуру, и только после этого уже – замуж. А ты что со мной сделал, Эдик? Вот именно, да, с последнего пункта начал! Все ему шуточки...

В общем, ему подали кофе, он его выпил и вышел. Я села с ребятами, отвлеклась, и вдруг некто проходит мимо нас с зажигалкой и щелкает ею. А тогда это такая редкость была! Я спрашиваю окружающих:

– Это что еще такое?

Миша, один из наших ребят, отвечает:

– Мне кажется, это твой поклонник!

– Миша, ты что, с ума сошел?!

– Да я все вижу, – отмахнулся он. – Зачем тебя директор звал, как ты думаешь?

– Брось, я тебя умоляю. Метр с кепкой, куда он мне!

Вот вспоминаю все это, а Эдик слушает – внимательно, но на лице у него ирония. Он не обижается, на всех смотрит снизу и делает свои мудрые выводы! Я ему говорю как-то:

– Ты хоть меня спросил, люблю я тебя или нет, когда женился?

Он мне:

– А зачем? Достаточно того, что я тебя люблю!

Представляете, какой! Спрашиваю:

– Ты помнишь ту зажигалочку, которой щелкал тогда?

Он в том же духе:

– А зачем помнить, когда ты помнишь?

Вот так и живем! Шестьдесят лет скоро будет!

Меня тогда Миша провозжал, он в соседнем подъезде жил. Мама встречает:

– Элла, давай быстро поднимайся, уже поздно!

Меня все Эллой называли. А гуляли мы где-то до трех ночи. И вдруг Миша достает записку, которую просили мне отдать. И читает: «Я Вас жду завтра в 11 часов на остановке трамвая».

Я возмущилась, записку эту порвала... Нет, Эдик, не вклеила я ее в записную книжку, что ты рассказываешь? Порвала и пошла домой. Спать легла, сон хороший утром был. Тут мама заходит:

– Элла! Тебя какой-то парень спрашивает!

– Какой парень?

– Да какой-то... Постучался, спросил: «Здесь Стелла Оганян живет?» – «Здесь». – «Вот для нее записка. Она должна в 11 подойти вот на эту трамвайную остановку». Я ему говорю: «Постараюсь!»

Мама у меня тоже с юмором была...

Но это не Эдик приходил, за него товарищи бегали. Я посмотрела подпись – «Эдуард Маркаров». И взбесилась:

– Да кто он такой? Что он о себе возомнил?! Да, прекрасный футболист. Да, симпатичный парень. Так пускай идет к тем, кто его окружает! Мама, я не хочу!

– Что ты на меня кричишь? – удивлялась мама. – Я его знать не знаю!

В полдень, быстро одевшись, бегу к подруге, которая была на том последнем звонке. Рассказываю ей все. Она:

– Слушай, да все уже там понятно! Ты просто не видела ничего!

– Мне никто не нужен! – отрубил я. – Я хочу поступить в институт и учиться!

Но этот нахал поймал меня по пути. На своем «Москвиче» ехал, остановился:

– Вы знаете, я сегодня хочу прийти к вашим родителям...

– Что случилось? Зачем вам мои родители?

– Буду с ними говорить, – заявляет.

– Мой папа работает в Ставрополе! – толковывала я.

– Я все-таки приду.

– А меня дома не будет!..

В общем, позвонила другу, говорю:

– Миша, уходим сегодня с тобой.

Пришла домой, быстро позвала младшую сестру Натэллу, дала ей инструкции:

– Если он придет, и я его машину во дворе увижу – ты мне дашь знать, и я домой не поднимаюсь. Как только он войдет в дом, сразу свет в комнате потушишь.

Во дворе села так, что, если он будет идти, то меня не увидит.

Приезжает. Вижу, что вылезает из машины. Идет к нам домой, я туда не поднимаюсь. Сидит там до половины двенадцатого. Было желание просто зайти и разорвать его! В конце концов все это надоедает, говорю Мише:

– Пойдем посмотрим – что там.

Захожу – картина маслом! Моя мама в кресле-качалке, Натэлла бегаем туда-сюда.

– Он сидит и ждет, – выговаривает мне сестра, – а ты не можешь подняться и хоть что-то ему сказать!

– Элла, я тебя умоляю! – говорит мама. – Решай свои вопросы сама. Я под всем подпишусь!

Он еще несколько раз приходил, а потом я его оскорбила. Сказала где-то: «Если у человека не работает голова, то хотя бы ноги должны работать». Таким было мое восприятие футбола и футболистов. Эти слова передали сестре Эдика Ире, она накачала свою маму, и начался семейный антагонизм. Он на какое-то время отстал.

Я поступила в институт, Маркаров узнал, что я там учусь, начал подъезжать, ждать меня. Пацаны подходили, фотографировались с ним, когда у кого-то был фотоаппарат – тогда большая редкость. А я его сторонилась. Перешла без него на второй курс. Жили мы в двухкомнатной коммуналке. Когда он в четвертый раз пришел к нам домой с шампанским, тортом и цветами, я ему отчеканила:

– Еще раз поднимитесь – шампанское вместе с букетом цветов полетят с четвертого этажа!..

* * *

Вернусь на много лет назад, когда о знакомстве со Стеллой еще и не помышлял. Я родился в 1942 году, в разгар Великой Отечественной. Но ничего не слышал о том, что семье тогда жилось тяжело, впроголодь. Все-таки это Закавказье – фашисты туда не дошли.

Если бы питались, например, по хлебным или еще каким-то карточкам, то мне бы точно об этом сказали, когда подрос. Да и помнил бы голод и лишения. Но таких разговоров не было. Вот в Ереване карточки были, это да. Когда папа сразу после войны переехал туда на два года, его к местному «Динамо» прикрепили и дополнительные пайки на питание давали.

Читал, что в три года у меня был легочный круп, я начал задыхаться, ситуация была критическая. Но увидел кошку, развеселился, дыхание возобновилось, и мама от радости упала в обморок, и якобы у нее от этого случился выкидыш. Правда ли это – не знаю, мама ничего не говорила, а у меня в памяти это не сохранилось.

С сестрой всегда были идеальные отношения. Говорит как-то:

– Хочу на машине ездить!

– Вон машина стоит – езжай, – отвечаю.

У меня товарищ был хорошим водителем. Брала машину, он Иру сажал и учил.

Жили мы в Завокзальном районе Баку, одном из двух, где сосредоточилась основная масса армян. В нашем дворе азербайджанцев не было, в соседнем – один был, но хорошо говорил по-армянски. Когда я, играя за «Нефтяник», получил вторую квартиру, там уже горские евреи жили.

А в старом доме общий двор был – семей на тридцать. Двери ни у кого не запирались. На праздник у любой семьи столы во дворе накрывали, и у кого что дома было – все приносили. Вот какие отношения! Таким был старый Баку, о котором остались только самые прекрасные воспоминания.

Черную икру трехлитровыми банками приносили во двор, ложками ели. Она стоила дешевле рыбы. Уже когда начал играть в первой команде «Нефтяника», помню, у меня день рождения, слышу – стучат. Открываю – там знакомый болельщик, за городом живет.

– Эдик, куда положить?

Метра полтора рыбина! У нас во дворе у одного ванна была, говорю ему:

– Давай пока в ванну положим, потом устроим праздник!

Никто ничего у нас не воровал, потому что во дворах сами же воры и жили. Глядя на них, никто не смел ни к чему прикоснуться. У нас во дворе такие блатные ребята были! Один в тюрьму садится, другой – выходит. Без краж не могут. Но у своих – никогда. Одни карманниками были, другие домушниками...

Мы, мелкие, крутились рядом с ними, думали – кого пошлют за сигаретами? Это была честь! А они мне:

– Что ты здесь стоишь? Тебя никто за сигаретами не пошлет. Иди спать, у тебя завтра тренировка.

Берегли меня. Случись что – горой за меня встали бы! Но таких случаев не бывало. Все уже знали – и их, и меня.

Когда растешь рядом с такими людьми, понятно, что воспитание улицей идет в довольно жестком режиме, и ты должен быть сильным, не размазней. Но не помню, чтобы дело доходило до каких-то жестких заруб, когда во время матчей мы били друг друга по ногам. Даже те же воры приходили со своей «работы» и, даже не поев, играли тайм. Но все свои, все друг друга знали. Просто выходили поиграть и расслабиться.

Один раз – да, подрался. Вышел со двора, разговариваю, тут один подходит. Слово за слово, я ему:

– Что тут стоишь? Ты не из нашего района.

– А ты кто?

Сцепились, я ему как головой дал – и в нокаут!

Его забрали, я пошел домой. Слышу, маленькие ребята говорят, что он с собой папу, дедушку привел, еще человек пять. Я залез под кровать и лежу там. Они поднялись к нам, поговорили с папой и ушли. Отец, который прекрасно понимал, где я нахожусь, швабру взял:

– А ну, выходи!

Ага, как же! Тут он отвлекся на что-то, а я выскочил и убежал. Через несколько часов – уже темно было, поздний вечер – мама зовет:

– Давай домой, папа спит уже!

Последствий для меня не было. Папа наутро ушел на работу, а у нас тренировка где-то в одиннадцать была. Потом пришел, отдохнул – и все забылось.

* * *

Всплывает в памяти, что мне клали под подушку маленький резиновый мячик. И я с ним спал. Папа не знал, буду ли я футболистом, и не давил. Хотя, конечно, был бы рад. Но если бы у меня не было такого желания, то на тренировки я бы с ним не бегал, а он бы меня не брал. Советами он не докучал – я сам все хватал на лету.

Двор и был моей первой футбольной школой, и не сомневаюсь, что это позволило мне стать самим собой. Сейчас все занимаются в классических футбольных школах, академиях. Воспитывают там, может быть, и качественно, но всех делают одинаковыми. А когда ты учишься всему во дворе, то никогда не будешь похож на других. Только на себя. Там я и научился финтить, когда, как уже рассказывал, собирал против себя несколько более мелких пацанов, и это было лучшим времяпрепровождением, какое только можно было представить.

В детстве я еще не понимал, что есть какие-то уровни, которым надо соответствовать. Но когда стал ходить и смотреть матчи «Нефтяника», то сказал себе: «А почему я не смогу это сделать?» Финты, которые там подглядел, пытался разучивать на улице. В том возрасте я не завидовал хорошим игрокам, а радовался и только думал: «Почему он так может, а я – нет?» И стремился к тому, чтобы всему этому научиться.

Телевизоров тогда еще не было, и что-то такое, что захотелось бы повторить, можно было увидеть только на стадионе. Радиорепортажи о главных матчах, конечно, слушал, но как по приемнику учиться? Это же видеть надо!

Ездил вслед за отцом. Он закончил карьеру игрока в 1948 году. «Нефтяник» тогда впервые включили в группу «А», папа тренировался с командой, но в чемпионате не участвовал – по возрасту уже, видимо. Затем играл за завод, потом поехал в Степанакерт тренировать сборную Карабаха. Я – с ним. Все было нормально, проблем не было, палок в колеса никто не вставлял.

Потом вернулись, папа стал тренировать бакинский «Локомотив». Все его мысли были о том, чтобы сделать хорошую команду, и на мои школьные матчи он не ходил. А мы тем временем выиграли Кубок города среди детских команд. Хорошие ребята у нас были. Играть многие не умели, но старались. И обыграли тех, кто о себе многое возомнил.

Были игры сборных школ. Много команд выступало, от каждого района, и мы всех побеждали. В одной из игр у нас вратаря не было. А судьи все знали – кто я такой и чей сын...

Говорю ребятам:

– Давайте я в ворота встану.

– Вставай!

Надел перчатки, провел так весь матч – ни одного гола не пропустил, и мы выиграли. Судья меня подозвал и говорит:

– Эдик, ну разве так можно? Там ты забиваешь, здесь – не пропускаешь...

Мы обыгрывали всех. Деталей не помню, но в одной книге известный журналист Александр Григорян писал о матче нашей дворовой команды против команды футбольной школы, чей директор был уверен в победе и пригласил на игру руководство районного отдела народного образования. А мы их 4:0 грохнули, я все четыре забил, после чего ту школу закрыли. Сам я тот матч не помню, но раз пишут – значит, было!

Я рос, появлялись новые интересы – тем более что в Баку жизнь кипела. Кинотеатры, приезжие артисты... У нас в городе огромный зал был, но билетов не достать. В кассе сидела женщина по имени Феня, меня с ней познакомили. Я Фене звонил, она говорила приходить когда угодно – два билетика всегда придержит. А на общих основаниях попасть было невозможно, очереди огромные. Но фильмы хорошие показывали!

А когда мне стукнуло лет шестнадцать-семнадцать, я впервые в жизни поехал в Москву. На Спартакиаду школьников Советского Союза. Тогда и поверил в себя, в то, что смогу чего-то серьезного в футболе добиться.

У меня двоюродный брат по маминой линии Игорь на «Беговой» жил, так что я был там не один. Высокий, интеллигентный парень, играл в театре и кино, позже уехал за границу. С ним я виделся часто, хотя большую часть времени проводил вместе с командой.

Играли мы хорошо, но не так, как дома, конечно. Тем не менее выступили на Спартакиаде школьников достойно – заняли шестое место. Во всем Советском Союзе! Я забил девять мячей, и мне вручили приз как лучшему бомбардиру. Детали позабылись уже, но в книгах пишут, что «Трудовым резервам» я забил «ножницами» через себя. Да я столько раз такие вот акробатические голы исполнял, что всех и не упомянуть. И через себя, и боковыми...

Потом из Москвы на поезде ехали в Баку. И мне приснилось, что я буду лучшим бомбардиром Советского Союза! То ли по молодости, то ли по глупости. Но через несколько лет так и произошло. В руку был тот сон.

На подъезде к Армавиру в вагон зашли двое ребят и сказали, что мне надо сойти. В этом городе тогда было две команды – «Торпедо», игравшее в классе «Б», и «Зерносовхоз», выступавший в первенстве края. Вот отец и стал в «Зерносовхозе» старшим тренером, а я только там об этом и узнал. И на два года туда перешел.

«Торпедо» это мы регулярно обыгрывали.

* * *

Папа меня в состав ставил всегда. У нас играл парень метра под два ростом, его отец ставил впереди, а меня – с краю. И когда шла длинная передача ему на голову, я уже начинал рывок. Никто не мог у меня в скорости выиграть – партнер скидывал, а я на скорости врывался в штрафную и забивал. Ни один человек не бурчал, что отец меня по блату ставит. О каком блате можно говорить, если я забивал постоянно?!

Как и дома, папа, работая тренером, никогда не кричал. Просто подсказывал, чтобы в следующий раз не повторялись те же ошибки. Все его уважали. Ему дали отдельную квартиру, где мы жили всей семьей, а еще одну очень большую квартиру – точнее, даже двухэтажный дом, – дали на всю команду. Как-то все там уместилось!

При этом никогда не помню, чтобы отец меня хвалил. Ни разу! Наоборот, все время находил какие-то ошибки. И, что самое интересное, мама – то же самое. Забиваю-забиваю – не то делаешь, не туда бежишь! Даже в том сезоне 1962 года, когда уже лучшим бомбардиром чемпионата СССР стал. После каждой игры что-то находили! Строгости особой не было, но я и не давал повода думать, что зазнаюсь. И сейчас никогда ни к кому не подойду и не скажу, кто я такой...

Я не чувствовал, что отцу тяжело дался переход в тренеры, хоть он и закончил играть в пятьдесят. Он сразу все взял в свои руки, и ребята хорошие у него в «Зерносовхозе» были, как и раньше в бакинском «Локомотиве». Проживи он подольше – может, со временем и «Нефтяник» бы возглавил...

Мне в Армавире скучно не было. А нашим взрослым ребятам – да. Телевизора нет, заняться после тренировки нечем. А в центре города – танцплощадка. Они туда и ехали. Но всегда знали меру – что в напитках, что в танцах и другом. Потому что хотели играть в футбол, а в этом Зерносовхозе было полно народу, который болел за команду, и портить людям настроение не хотелось. Сын директора совхоза играл в ростовском СКА. Правый защитник, немножко тяжеловатый, но умел многое. Продержался в армейском клубе, правда, всего год.

Хоть Армавир и периферия, но меня никто не пытался спаивать, да я и сам бы на это не пошел. А дома спиртного не было – папа же не пил. Мне уже было восемнадцать, я играл на первенство Краснодарского края и о том, что через год буду уже выходить на большие стадионы высшей лиги чемпионата СССР, даже подумать не мог. Просто получал удовольствие от футбола.

А в начале 1961 года в Армавир на два товарищеских матча прибыл бакинский «Нефтяник» во главе с великим Борисом Аркадьевым. Они решили сначала сыграть с нами, потому что подумали, что наша команда послабее.

Когда Борис Андреевич приехал в Армавир, мне даже в голову не приходило, что он может меня в Баку позвать. Мы выиграли в один мяч, я забил. А потом разозлившийся «Нефтяник» более сильное, как казалось, «Торпедо» в ключья разнес.

Но даже после того матча и гола я не мог вообразить, что меня ждет дальше.

Глава III. «Бакинский Пеле»

Иногда задумываюсь – а что было бы, произошли события в жизни чуть-чуть по-другому? Допустим, если бы тогда на предсезонке 1961 года бакинский «Нефтяник» во главе с Борисом Аркадьевым не приехал на товарищеские матчи в Армавир? Это же совпадение, что футбольные пути привели его именно туда. И что сыграли они не только с местным «Торпедо», командой более высокого уровня, но и с нашим «Зерносовхозом». И что они нам проиграли. И что я забил.

Аркадьев спросил:

– А кто этот парень?

– Наш, бакинец, – отвечают ему.

– Вы что, балбесы? Как можно такого пацана непонятно где держать! Сделайте, чтобы он домой вернулся и у нас играл!

Меня ведь до того еще хотел ереванский «Спартак» из Армавира забрать. Эта команда приехала на календарную игру в Ростов с местным СКА, а отец приехал туда же повидать друзей-армян – и забрал всю команду в свой совхоз цыплятами кормить. И не только цыплятами – там всегда угощение было хорошее. Они приехали, увидели, как я играю, и захотели забрать. Но папа категорически воспротивился – и, наверное, в том случае был прав. Рано мне еще было куда-то уезжать. И логику его я понять могу. Если его в Ереване обещаниями два года кормили и так ничего и не дали, он мог подумать, что и меня так же кинут.

Так семья и вернулась в Баку. Отец поехал с нами тоже, но потом уехал в Майкоп на два года тренировать.

На первые тренировки в «Нефтянике» выходил спокойным, меня не трясло. Делал то же, что и остальные. Аркадьев позже говорил: «Эдика я взял еще мальчиком. Маленький был, но боевой». Он оценил мой дриблинг, но и характер, выходит, тоже. Я не тушевался, от мяча не закрывался.

Очень благодарен Аркадьеву, что поначалу, в том 1961-м, он меня, восемнадцатилетнего пацана, на пять-десять минут выпускал. Я вслух не говорил, но внутри себя не понимал, злился – мы проигрываем, меня выпускают в самой концовке, что я там за пять минут успею сделать?! Но выходил, отдавался полностью и иногда забивал. Борис Андреевич сделал из меня футболиста в том числе и тем, что не сразу бросил в пекло.

Иногда я даже по неопытности рот открывал, но тренер и это терпел. Как-то играем в Ростове, проигрываем то ли 0:2, то ли 0:3. Остается пять минут, он говорит:

– Эдик, раздевайся и выходи.

– Ну пять минут осталось, что я буду там делать? – отнекивался я.

– Раздевайся без разговоров!

Вышел, забил, 1:3 проиграли. И вместо того чтобы напихать мне за то, что я в свои годы еще и пререкался начал, Борис Андреевич сказал:

– Вот видишь – вышел и забил. Ты это запомнишь и будешь увереннее. И я запомню. В следующей игре, может, на десять минут выпущу.

Сейчас понимаю, что, если бы Аркадьев тогда выпускал с первых минут, меня бы просто сминали. Так что выходить поначалу на несколько минут очень полезно. Постепенно привыкал к атмосфере большой арены – ведь до Бориса Андреевича на центральном поле Республиканского стадиона в Баку я никогда не играл. Он тогда уже именем Сталина не назывался – после XX съезда КПСС и развенчания культа личности переименовали в стадион имени Ленина. Первый мяч на нем забил в 1951 году мой будущий партнер и тренер по «Нефтянику» Алекпер Мамедов, Алик, хороший нападающий.

А уже в девяностые, когда не стало арбитра Тофика Бахрамова, засчитавшего знаменитый гол Джеффа Херста в финале чемпионата мира 1966 года Англия – ФРГ, стадион переименовали в его честь. Мне довелось быть с Бахрамовым хорошо знакомым, но об этом расскажу позже.

Потихоньку стал выходить уже минут на пятнадцать. А однажды центральный нападающий по ходу матча голеностоп подвернул, и я вышел на тридцатой минуте. Тот матч выиграли, я забил.

Мне очень повезло, что в самом начале пути в футболе встретил Аркадьева. Человек, который после войны создал легендарную «команду лейтенантов», ЦДКА, стал для меня образцом. Я увидел, каким должен быть настоящий тренер. И как теоретик, и как практик.

Во-первых, он очень грамотно тактически все продумывал и расставлял нас. Во-вторых, знал, как с кем говорить. Часто бывало, что наказывал игрока, но не при всех, а поговорив с ним отдельно, а эффект от такого совершенно другой. В-третьих, многие его коллеги в то время ругались почему зря, а Борис Андреевич ни одного слова матом за все время в «Нефтянике» не произнес! Ни разу голос не повысил! И его при этом все слушали – такой авторитет. Самое грубое слово у Аркадьева было «дурачок». Другой великий тренер, Михаил Якушин, был помягше, иногда что-то нецензурное у него проскакивало.

Еще Аркадьев произнес фразу, которую я запомнил на всю жизнь, поскольку был молодым и впитывал все, как губка.

– В футбол, Эдик, нужно играть с улыбкой, – сказал он как-то. – Выходишь на игру, улыбаясь, – пугаешь противника...

Советовал он и книги читать, но на это времени вечно не хватало. Вообще, сказать, что я или многие другие футболисты, получили хорошее образование, будет большим преувеличением. В школе учился сначала нормально, потом стал прогуливать. Приходил на школьную площадку и играл там в футбол.

Когда попал в «Зерносовхоз», мне в Азербайджане написали справку об окончании восьми классов. Когда возвращался из Армавира – бумажку о том, что я окончил школу с отличием. Все почему? Потому что в Баку надо было в институт поступать. А там я уже был на таком уровне, что ко мне лояльно относились. Приходил на экзамен, меня преподаватели спрашивали:

- Ну, как будем играть в эту субботу?
- Нормально будем играть, постараемся выиграть.
- Молодец, пять!

Так и проучился. В какой-то момент сказали, что вообще могу не приходить. Все болельщиками были. Совершенно не собираюсь бахвалиться этим, говорить, что все это хорошо. Просто рассказываю, как происходило в действительности. Сказали, что ходить не надо, – я и не приходил. Все делали за меня.

И в армию тоже не забрали. Явился я по повестке в бакинское общество «Динамо», а меня спрашивают:

- Эдик, ты чего тут?
- В армию...
- Иди отсюда! Иначе нас всех снимают!

В итоге с армией вопрос решился просто. Написали: «Не годен в мирное время». Это сохранило меня для «Нефтяника», поскольку московские «Динамо» с ЦСКА и киевское «Динамо» меня хотели заполучить. Но в Баку решили, что мне лучше быть первым парнем на деревне, чем последним в городе, и мои родители думали так же.

* * *

Свой первый матч в стартовом составе за «Нефтяник», в Москве на стадионе «Динамо» против «Торпедо», помню смутно. Попадаются мемуары разных людей, и только по ним восстанавливаю в памяти, что Адамаса Голодца с Алекпером Мамедовым по каким-то причинам не было, и Аркадьев поставил меня. Проиграли 2:3, но при этом я при 1:0 в нашу пользу забил второй мяч. Скажу так: хорошо, что дебютировал с гола, но, будь на поле Адамас и Алик, точно не проиграли бы.

Отношение ко мне со стороны ветеранов команды было очень хорошим, грех жаловаться. Какая там дедовщина! Наоборот, на руках носили. Хотя, теряя мяч на чужой половине, ловил себя на мысли, что нам обязательно забьют. Но даже если это и происходило, никаких упреков в свой адрес не слышал. Никаких запретов со стороны Аркадьева не было – он объяснял, что импровизация должна быть, просто нужно знать, в каких точках поля ею нельзя злоупотреблять.

Вскоре после того, как попал в первую команду «Нефтяника», Алексей Парамонов вызвал меня в юношескую сборную СССР, с которой я начал ездить за границу – дело для тех времен уникальное. И ладно еще Польша или, например, Чехословакия, в которой я сверстникам победный мяч забил, – потом еще и в итальянский Сан-Ремо на международный юношеский турнир поехали, и там нас принимали лучше, чем где-либо!

Из-за границы, конечно, привозил родным подарки – кто в чем нуждался. Мы уже знали, откуда что лучше было везти. В Германии, например, были отличные туфли. В одном месте все подряд не брали – со временем обретали опыт и в этом смысле. Испания просто больше всего понравилась как страна. Запомнилась и поездка на товарищеский матч аж в Австралию. Настоящих кенгуру увидели!

На перепродажу из-за границы я ничего не возил – не мой профиль. А некоторые игроки по десять итальянских болониевых плащей брали. Ребята из «Нефтяника» первыми этим занялись – такие плащи тогда только появились. Думали потом – почему двадцать не взяли? Не успели чемоданы открыть – все уже разобрали! Почему я не перепродавал? Да мне больше подарки нужны были для родственников. Я как лидер команды получал хорошие деньги и ни в чем не нуждался.

А из той юношеской поездки в Сан-Ремо больше всего запомнился эпизод с Жорой Сичинавой. У него, пардон за подробность, был огромный... детородный орган. Как-то стоим разговариваем, подходит метрдотель. Гена Логофет знал иностранные языки и говорит ему:

– Хочешь фокус увидеть?

– Хочу!

Гена расписывает суть фокуса, предлагает сумму спора и говорит:

– Принеси две тарелки – и он это сделает! Согласен?

– Согласен!

Мы отправляем Сичинаву в комнату – готовиться. Метрдотель приносит тарелки. Выходит Жора со вставшим органом. Кладет на него тарелки и – хр-р-р по ним рукой! Тарелки пополам, а ему хоть бы хны!

Метрдотель хохотал как сумасшедший, тут же рассчитался. Мы сразу все прогуляли.

Хорошие в той команде ребята были: один за всех – и все за одного! С грузинами у меня всегда были прекрасные отношения – с тем же Сичинавой, с Муртазом Хурцилавой. Минимум два игрока из Грузии всегда играли за сборную. И хорошо играли!

В той команде было еще много спартаковцев – как я уже говорил, Логофет, Сергей Рожков, Валерий Рейнгольд. В Сан-Ремо Валера, «электричка», убежал от всех даже с десятиметровой форой. Поле заканчивалось, а он все бежал с мячом! Потом, когда я в Москву на выезды

приезжал, всегда встречались со знакомыми ребятами из разных команд. Отлично время проводили!

Все летали через Москву – прямых рейсов между другими городами почти не было. Ехали в баню, в Сандуны, и, поскольку это были выходные, там встречалась вся высшая лига. Или, допустим, сыграем в столице с московской командой, на следующий день должны улетать. Всегда просили руководство брать билеты на вечер. И – в баню! Там нам маникюр, педикюр сделают, попарят.

Ну, и без пива и чуть-чуть водочки не обходилось. А потом попарились, все опять вышло... Те, у кого была голова на плечах, знали, когда, с кем и сколько. Стол уже накрыт, бах-бах по рюмочке – и в парную. После бани где-нибудь в кабаке собирались, а вечером – на самолет. Все, кто туда ходил, дружили, и потом в матчах на поле никогда умышленно не грубили друг другу.

Там мы и с Юрой Сёминым, например, познакомились, когда мой «Нефтяник» то ли с его «Спартак» то ли с «Динамо» встречался. Дружба сохранилась на годы. Приезжал недавно на матч Армения – Турция, а на следующий день мы с ним сначала в академию к Джевану Челоянцу поехали, а потом на озеро Севан. Кабаков пять там проехали – все забито! Еле-еле место нашли. Винца выпили, водочки, но без перебора. Пальч – красавец, а то, как с ним поступили, не продлив контракт в «Локомотиве», когда он занял второе место и вышел в Лигу чемпионов, – просто катастрофа. Мне бы хотелось, чтобы он тренировал сборную Армении. Но не мне решать.

* * *

Языком общения в «Нефтянике» был русский. По-азербайджански я не говорил, знал только отдельные слова, а сейчас и те уже забыл. Но для Баку того времени это было нормой. Тот же «Нефтяник» был командой совершенно интернациональной – русский Кузнецов, еврей Голодец, осетин Туаев, азербайджанец Мамедов...

Алик вспоминал, как играл мой отец, говорил, что он был «эталон» классического полузащитника». И его самого, Мамедова, вся команда уважала. Он был игроком высшего класса, играл в «Динамо» и в сборной. Почему-то так вышло, что в «Нефтянике» все время появлялись футболисты с опытом игры за «Динамо». Мамедов, Голодец, Кузнецов... К нам приходили уже игроки в возрасте. Был еще левый защитник, «убийца», как же его фамилия-то была... Вылетело из головы. С огромными шипами играл!

Голодец, который впоследствии хорошо проявил себя как тренер московского «Динамо», приехал в Баку после выступлений за этот клуб и за Киев. Мы с ним вдвоем в середине оставались, когда наши ворота атаковали. Перехват мяча – и мы уже готовы убежать. В полузащите играл Ахмед Алескеров, с которым в роли старшего тренера мы потом завоевали бронзу. Тихоход, но голова работала. Толик Грязев, тоже полузащитник – рабочая машина, мог хоть четыре тайма подряд отбегать.

На правом фланге играл быстрый осетин Казбек Туаев, который был для меня человеком очень близким. Ведь его нашел совсем еще пацаном мой отец, взял в бакинский «Локомотив», который тогда тренировал. И приютили мы его, жил он какое-то время у нас дома. Он на два года старше меня, дай Бог ему здоровья!

Туаев как-то вспоминал в интервью, что однажды мы играли в Ташкенте с «Пахтакором», и лидер соперника Геннадий Красницкий со штрафного мячом Голодцу в грудь засадил. Тот аж сознание на несколько секунд потерял. В перерыве смотрят – мяч отпечатался на груди Адамаса! Казбек вспоминал, что от такого зрелища мы все засмеялись, а особенно я, молодой. Вскоре мы поехали в Куйбышев, ныне Самару, опять в наши ворота назначили штрафной, и теперь мяч уже мне в челюсть попал, и я зуб оттуда вынул.

Вот этого припомнить не могу, но удар Красницкого с отпечатанным на груди Голодца мячом – да, помню. Красницкий вообще бил страшно – так что не только до больницы, до кладбища недалеко. У него был самый сильный удар тогда в Советском Союзе, да он и в принципе играл отлично. И в каждой команде хотя бы по одному такому мастеру было!

Но ключевой фигурой того аркадьевского «Нефтяника» был, безусловно, Юрий Кузнецов. К нему, Мамедову, другим ветеранам команды я, молодой, обращался на «ты», но по отчеству. Кузнецов, у которого я многому научился, всегда говорил:

– На меня не смотри. Играй как хочешь. Я сам увижу, что ты собираешься сделать, и отдам тебе мяч туда.

Отдавал. И как отдавал!

Не могу сказать, что нюансы взаимодействия мы отработывали на тренировках. Все было по наитию. Мы уже знали и понимали друг друга, говорили на одном футбольном языке. Юра отдавал такие пасы, что мне оставалось бить одним касанием, максимум – вторым.

Я знал еще его отца, который тренировал нас в детской спортивной школе. Он, как и мой папа, был одним из основоположников бакинского футбола. С ним мы и ездили на Спартакиаду школьников в Москву. Хороший был тренер. Кстати, вскоре после Спартакиады я познакомился с Константином Бесковым – он собрал на два-три матча за границей юношескую сборную футболистов того возраста. О Константине Ивановиче отзывались по-разному, а мне он показался человеком строгим, но справедливым. У нас сложились нормальные отношения. Если ты не даешь повода себя ругать, то все хорошо.

О лучшем же распасовщике, чем Кузнецов, и мечтать невозможно было. Спустя года два после того, как Юра закончил и в команду пришел Толя Банишевский, я сам отошел чуть назад и стал играть для него ту же роль, которую Кузнецов играл для меня.

* * *

В 1962 году первые пять матчей я не играл, и «Нефтяник» – так совпало! – не мог забить. Но потом Аркадьев поставил меня с первых минут в Ташкенте, в конце мая, на страшной жарнице. Но и в Баку жара – привычное дело, мы часто на солнце играли. Я сделал дубль, еще один мяч забил Кузнецов, и мы выиграли 3:1. С этого момента играл постоянно – и забивал тоже.

Никогда не любил рассуждать о самых красивых мячах. Для меня все они одинаково дороги. Самое главное, чтобы мяч пересек линию ворот. Хоть носом забивай! Так я, правда, никогда не делал. А вот головой забил много. В «Динамо», помню, играл высоченный защитник, на две головы выше меня. Идет верховой пас, чувствую, что мяч не достаю. Соперник глядит на меня с высоты своего роста, стоит, хихикает. А мяч скользнул, и я со своей высоты его поймал и в ворота перевел.

А то, что кому-то запомнилось, например, мои удары через себя, – это уже вкус болельщиков. В армянском клубе «Мика», где я тогда работал, мне даже установили прижизненный памятник – и на нем я как раз бью «ножницами». Там бизнесмен Михаил Багдасаров был хозяином, и он с людьми из клуба задумал это, но мне ничего не говорил.

А потом как-то прихожу на тренировку, смотрю – статуя стоит! Пришел к Мише в кабинет, спрашиваю:

– Когда успели?!

Он был очень горд:

– Нужно иметь голову, чтобы такое поставить!

Небольшая статуя, аккуратно сделанная. Для меня ее появление стало полным сюрпризом – ничто об этом не говорило.

Честно говоря, я много через себя бил – и забивал порой. Защитники мешают, мяч между линиями штрафной и площадью ворот, головой не достать, а через себя нога идет выше. Не хваюсь, но координация у меня была отличная. Поймать и сбить меня было тяжело. И «ножницами» по мячу попадал.

Но вернусь в Баку, в 1962 год. Телевизора тогда у нас еще не было, так что видеть мои матчи родные и друзья могли только на домашнем стадионе. Мой двоюродный брат был капитаном корабля, получал хорошие деньги, плавал на своем судне по всему миру. В один прекрасный день он пришел к нам и говорит:

– Что же это вы без телевизора?

– У нас нет столько денег.

Пошел, купил и подарил нам черно-белый телевизор. Пришел мастер, все настроил. И вдруг спрашивает:

– Не хотите, чтобы цветной был?

А мы тогда о таких и не слышали.

– Конечно, хотим!

Оказалось, есть такая специальная приставка с водой, которая дает цвет на экран. И у нас единственных в округе был «цветной» телевизор – притом что у большинства других не было и черно-белого! Я выставлял его в окно, и все смотрели.

Когда показывали футбол, я и тогда, и потом старался подсматривать для себя что-то интересное у больших игроков – так же, как делал это пацаном, перелезая через забор, чтобы увидеть матчи «Нефтяника». Что-то взял и у Пеле, и у Эдуарда Стрельцова. Короля футбола впервые увидел, когда он приезжал в 1965 году играть товарищеский матч со сборной СССР в Москве. В сборной меня тогда не было, смотрел по телевизору.

Правильная остановка мяча в зависимости от того, где находится противник! Меня это поразило в игре Пеле, я постарался это перенять. Если он справа – я убираю вправо же корпус и играю левой ногой. Если он сзади меня, то просто руки расставляю, чтобы он не подобрался. И так далее. Пеле все это умел делать как никто другой. И когда с ним сравнивали того же Диего Марадону, я отвечал:

– Да, Марадона очень хороший игрок. Но он – не Пеле.

Когда известный журналист Юрий Ваньят, который освещал все до единого чемпионаты СССР, назвал меня в прессе «бакинским Пеле» – мне было очень приятно, но я не запижонил. И никогда этого пижонства в моей карьере не было. Привык, чтобы другие меня хвалили, если я этого достоин. А сам себя права хвалить не имел. И никогда не говорил, кто я такой, если меня не узнавали.

А еще Пеле никогда не обводил ради обводки. По крайней мере, по тем матчам, которые я видел, у меня создалось именно такое впечатление. Есть категория футболистов, которые обладают хорошим дриблингом и хотят обязательно обвести всех в одну сторону, а потом обратно. Я так никогда не мыслил, хотя у меня с техникой был порядок. Человек двух мог обвести почти в любой ситуации, но только чтобы это привело к острой ситуации и к нашему голу. Меня никто и никогда не обвинил бы в индивидуализме!

И Льву Яшину забивал. Делал это не раз, но запомнился один гол. Вышел на ворота «Динамо», защитника на замахе убрал, а Яшин руки вширь расставил. Думаю – куда бить, тут все перекрыто! Подрабатываю мяч, делаю еще один замах, показываю корпусом, что целю в дальний, а сам качу в ближний. Лева говорит:

– Эдик, ну тебе не стыдно? Я взрослый человек, а ты тут у всех на глазах так издеваешься.

По-доброму, естественно, не всерьез. Это было в Баку, уже в конце его карьеры. Но мне и в Москве доводилось ему, великому вратарю и чудесному человеку, забивать.

Перенимать что-либо у Стрельцова было сложнее: у нас были совершенно разные комплекции. Он – мощный, ни один защитник его остановить не мог. Но и техника была прекрас-

ная. Когда ему давали пас, он на замахе убирал соперника, пробрасывал мяч себе на ход и бил. А мне приходилось искать другие козыри, и много мячей я забил просто с носка. Кстати, культура удара «пыром», как это тогда называли, вообще пропала. Не вижу таких ударов! Казалось бы, вратарь на тебя выходит – бей с носка! А нападающий хочет его еще обвести – и упускает момент.

В 1962-м, когда мне было двадцать лет, я разделил звание лучшего бомбардира чемпионата СССР с Юрой Севидовым из «Спартака», хорошим парнем, которому, к сожалению, позже пришлось пройти через заключение, и его прекрасно начинавшуюся карьеру это сломало. Но в том году он был в полном порядке. Да там вообще такая конкуренция была! В каждой команде – супернападающие, звезды. Не понимаю, как мне удалось их обогнать. Вернее, мы с Севидовым забили по шестнадцать, а у Михаила Мустыгина из минского «Динамо» было семнадцать, но приз газеты «Труд» разделили между мной и Севидовым, поскольку тогда после половины сезона команды делились на два турнира: двенадцать сильнейших команд играли за первое место, другие – за то, чтобы не вылететь. Мустыгин был во втором соревновании, и соперники у него, выходит, были слабее. Поэтому в «Труде» и решили приз вручать тем, кто по той формуле чемпионата играл против лучших.

Причем мы как раз у Минска выиграли решающий матч за выход в финальную пулю. Читал, что на том матче в Баку было сумасшествие, народ даже на фонарях сидел, чуть ли не на табло. Много лет прошло, уверенно подтвердить не могу. Но в Баку, как и в Ереване, народ всегда хорошо ходил на футбол. Так что меня этот факт не сильно удивляет.

Отец меня тогда единственный раз похвалил – я на всю жизнь запомнил. Игроки часто к нам домой приходили. В тот раз команда была не вся, только те, кто оставался в Баку. И после окончания того сезона папа накрыл стол и сказал:

– Можно мне один раз похвалить своего сына?

Никто не представляет себе, какая это для меня была сказка – услышать от него похвалу. Для меня папа был великим игроком, пусть в Советском Союзе его не узнали так, как он того заслуживал. Доиграл до пятидесяти лет, соблюдал режим...

Вручал мне приз «Труда», кстати, как раз Юрий Ваньят. Сказал:

– Продолжай в том же духе.

Я поблагодарил. И продолжил в том же духе.

Никакой дополнительной материальной награды за то, что стал лучшим бомбардиром, я не получил – да тогда, совсем молодой, об этом еще и не думал. А объяснить это достижение, к которому я пришел в двадцать лет, могу только тем, что все, видимо, думали так: у «Нефтяника» впереди бегают какой-то молодой парень – зачем его держать? Я этой недооценкой и пользовался. Поражался даже, что защитники так против меня играют. Но теперь понимаю, что в тех голах была больше заслуга Юры Кузнецова, который такие пасы отдавал, что мячу, кроме ворот, деваться было ну просто некуда.

Важнее, что мне удалось не стать бомбардиром одного сезона – таких много выстреливает. Дальше я держал тот же уровень. Потому что развивался и придумывал что-то новое, не довольствовался достигнутым. Не запижонил, как Кокорин с Мамаевым! Благами надо уметь пользоваться!

Хотя в 1963-м свой первый гол я забил только в шестом туре. Защитники стали уже внимательнее играть. Знали, где прихватить, когда сзади стукнуть. Били, но не всегда попадали. Я чувствовал, что сзади игрок пытается по ногам ударить, и не позволял это сделать. А сзади бить – это идиотизм. Добежал до игрока с мячом, оказался на одной линии с ним – тогда и делай подкат. И все будет чисто!

Немного позже ко мне персональщики стали приставлять. Сам не играет и мне не дает. В «Динамо» один такой все время за мной тенью следовал... А у Валеры Маслова, жесткого,

но не грубого футболиста, веселого парня, а по совместительству – одного из лучших в мире игроков в хоккее с мячом, другие методы были.

Играем с ними дома, он ко мне на поле подходит:

– Анекдот рассказать?

– Ну, давай, – улыбаюсь я.

А он их сотнями знал и сутками мог излагать. Игра всю идет уже. Вот рассказал Валера анекдот, потом я делаю движение – он за мной. Я ему:

– Ты куда?

А Валера:

– Мне сказали, чтобы я с тобой играл. Я не буду играть, но и ты не будешь.

– Ну, молодец. Есть еще анекдоты?

– Полным-полно!

Он стал рассказывать, в какой-то момент отвлекся, чуть отвернулся, а я в этот момент мяч получил и к воротам убежал.

– Эдик, куда ты?! – кричит он вслед.

А я уже гол забиваю...

* * *

После того бомбардирского для меня сезона-62 Аркадьев из Баку уехал. Его точно не убрали. Видимо, в «Локомотиве» лучшие условия предложили, да и семья жила в Москве. Конечно, меня его уход очень расстроил – он ведь мой крестный отец в большом футболе и навсегда останется лучшим тренером. Но что делать?

На меня тоже сразу положили глаз в Москве – в том числе и ЦСКА с «Динамо», которые могли забрать футболистов к себе служить. Однако хотел меня и «Спартак», который тренировал Никита Симонян и в том же 1962-м, когда мы с Севидовым получили приз «Труда», сделал красно-белых чемпионом.

Стелла:

Никита Палыч приехал за ним, когда мы только начали встречаться... Нет, Эдик, никаких своих людей он не посылал, сам же приехал! К твоей маме! Я приходила и слышала:

– Берта, вы не спешите, подумайте. Решим все вопросы...

– Нет, он не поедет!

Она же еще объясняла: «Пусть он лучше будет первым парнем на деревне, чем последним в городе», ты же сам говорил!

Словом, это очень его обидело. Но тогда он это не обсуждал. Потом только обмолвился:

– Почему мама это сказала? Почему я не мог уехать?

Берта со всеми на «ты» говорила, ее все знали – как жену и мать известных футболистов. В общем, она была против переезда, а Эдик ее слушался. Вот она Симоняну все это сказала и поставила точку:

– Ты понял меня, Никита?

– Да, все понял, – ответил Симонян.

Ира, его сестра, встречалась с Рафиком. И Берта тогда думала: если Эдик переедет в Москву, то и мне придется переезжать. А как же здесь будет моя Ирочка? У Рафика мама была армянка, а папа – азербайджанец, который украл маму, знаменитого педагога в Кировобаде. Ризван Гасанович был одним из первых цеховиков в Азербайджане и никаких преград не знал: «Она будет моей!» Привез ее в центр Баку в армянский дом, где они и поселились. Рафик был прекрасным человеком!

Честно говоря, я Никиту Павловича у нас дома не помню. Но, может, и было. А касательно перехода в «Спартак» – на одном из выездов в Москву кто-то мне дал записку с телефоном Николая Петровича Старостина, который ждал моего звонка. Я свое руководство об этом предупредил, но не набрать номер такого уважаемого человека не мог. Он сказал то, что говорили все:

– Эдик, хватит на периферии играть. Пора показать себя в столице. Да и Симонян хочет, чтобы ты перешел.

Но я отказался. Дома – папа, мама, а они ни о каком переезде не хотели и слышать.

Начался 1964 год. Пошла третья декада февраля, мы готовились к новому сезону. Я спал в соседней с родителями комнате – у нас было две квартиры, но нередко ночевал у них. Вдруг посреди ночи началась какая-то плохая суета. В первый момент подумал: что-то случилось с мамой. Она ведь часто болела, а папа – нет. Он ведь и за ветеранов до последнего времени играл, и очень прилично.

Я вскочил, побежал к ним. Отец пару раз кашлянул – и умер. Я успел увидеть его в последнее мгновение жизни. Ему было всего пятьдесят пять лет. Сердце.

Видимо, это произошло от стресса. Папа в тот момент не работал, а сидеть на иждивении у меня не хотел. Хотя я хорошо зарабатывал и половину запросто мог отдавать маме с папой – всем было бы вполне достаточно. Но он очень хотел работать, тренировать. За это время испереживался, причем держал все в себе...

Помню, как осенью 1962 года отец играл в юбилейном матче 50-летия азербайджанского футбола. Я очень хотел на него внимательно посмотреть – папину игру в осознанном возрасте редко видел. Все пытались рядом сесть, что-то меня спросить, а я отгонял:

– Уходите отсюда! Дайте посмотреть, как папа играет!

Сейчас, когда прихожу на сборную Армении, тоже толком не вижу матч: все вокруг садятся, что-то спрашивают, а потом вскакивают и обзор загораживают. Невозможно сосредоточиться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.